

Резникова Алёна Евгеньевна,
студентка Юридического института,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Reznikova Alyona Evgenievna, Law Student,
Belgorod State National Research University

Научный руководитель:
Яковлев Валерий Иванович,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
Yakovlev Valery Ivanovich,
Associate Professor of the Department of
Civil Law and Procedure,
Belgorod State National Research University

**ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ
FEATURES OF REGULATION OF INHERITANCE
RELATIONS IN INTERNATIONAL PRIVATE LAW**

Аннотация. Статья посвящена особенностям регулирования наследственных отношений в международном частном праве. Рассматриваются основные коллизионные привязки, применяемые при определении права, подлежащего применению к наследованию, а также специфика регулирования движимого и недвижимого имущества. Отдельное внимание уделяется вопросам формы завещания, выморочного имущества и значению международных договоров в разрешении наследственных дел с иностранным элементом. Анализ показывает, что данная сфера требует точного согласования национальных норм, коллизионных правил и договорных механизмов.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the regulation of inheritance relations in international private law. It examines the main conflict of laws rules applied in determining the law to be applied to inheritance, as well as the specifics of the regulation of movable and immovable property. Special attention is paid to the issues of the form of a will, the inheritance of state property, and the importance of international treaties in resolving inheritance cases with a foreign element. The analysis shows that this area requires precise coordination of national norms, conflict of laws rules, and contractual mechanisms.

Ключевые слова: Наследование, коллизии, завещание, имущество, договоры, статут.

Keywords: Inheritance, conflicts, will, property, contracts, statute.

Наследственные отношения в международном частном праве относятся к тем сферам, где иностранный элемент не просто усложняет применение нормы, а меняет саму логику правового анализа. Здесь недостаточно установить круг наследников или состав наследственной массы; сначала приходится ответить на более базовый вопрос: право какого государства вообще должно регулировать спорную ситуацию. Иностраный элемент проявляется в разных формах: в личности наследодателя или наследника, в месте нахождения имущества, в месте составления завещания, в государстве, где произошло открытие наследства или совершаются нотариальные действия. Именно поэтому регулирование трансграничного наследования строится не вокруг одной материальной нормы, а вокруг

сочетания коллизионных привязок, внутренних наследственных правил и международных договоров. В этой части наследственное право заметно отличается от многих иных институтов частного права: оно тесно связано не только с оборотом имущества, но и с семейным статусом, личным законом гражданина, нотариальной процедурой и публичным интересом государства в вопросах учета имущества умершего [5].

Для российского права отправной точкой выступает пункт 1 статьи 1224 ГК РФ. Он закрепляет общее правило, согласно которому отношения по наследованию определяются по праву страны последнего места жительства наследодателя. Из этого правила сразу выведено существенное исключение: наследование недвижимого имущества подчиняется праву страны, где такое имущество находится, а недвижимого имущества, внесенного в государственный реестр в Российской Федерации, – российскому праву. Эта модель связана и со статьей 1115 ГК РФ, определяющей место открытия наследства через последнее место жительства наследодателя. На практике такое решение позволяет выстроить базовую коллизионную схему, но не снимает всех проблем. Показательно, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 26 марта 2024 г. № 12-П пункту 1 статьи 1224 ГК РФ был придан конституционно-правовой смысл, исключающий отказ в оформлении наследственных прав на движимое имущество, находящееся в России, если наследодатель проживал и умер за рубежом, а обращение к иностранным органам объективно невозможно или существенно затруднено. Это важная корректировка: формально коллизионная норма сохраняется, но ее применение не должно разрушать саму возможность защиты наследственных прав [2].

Сложность трансграничного наследования состоит в том, что наследственный статус нельзя воспринимать как полностью однородный. Уже на стадии квалификации возникает вопрос, какие именно отношения охватываются статутом наследования, а какие должны подчиняться иному праву. Российское международное частное право исходит из статьи 1187 ГК РФ, по которой толкование юридических понятий при определении применимого права осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом. Отсюда следует важный практический вывод: суд или нотариус сначала квалифицирует явление через российские понятия, а уже затем выбирает применимое право. В наследственных делах это имеет особое значение, поскольку один и тот же имущественный объект в разных правовых порядках может включаться в наследственную массу по-разному, а некоторые вопросы находятся на стыке наследственного, вещного и семейного права. В результате формируется своеобразное расщепление статута: одни аспекты подчиняются закону последнего места жительства наследодателя, другие – праву места нахождения недвижимости. Такое решение функционально оправдано, но оно делает регулирование менее цельным и требует очень точного разграничения вопросов, связанных с составом имущества, режимом вещи и порядком перехода прав [3].

Отдельный пласт вопросов связан с завещанием, поскольку именно здесь особенно заметно столкновение национальных требований к форме и волеизъявлению наследодателя. Во внутреннем российском праве статья 1124 ГК РФ устанавливает общее правило: завещание должно быть совершено в письменной форме и удостоверено нотариусом, за исключением специально предусмотренных законом случаев. Однако для международного наследования этого недостаточно. Пункт 2 статьи 1224 ГК РФ вводит специальную коллизионную норму, по которой способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления соответствующего акта. Вместе с тем закон использует более гибкий подход к форме: завещание или его отмена не признаются недействительными из-за несоблюдения формы, если она соответствует либо праву места составления, либо российскому праву. По существу, здесь закреплен принцип *favor testamenti*, направленный на

сохранение действительности последней воли наследодателя. Для трансграничных отношений это особенно важно: иначе любое несоответствие между нотариальными моделями разных стран вело бы не к защите воли умершего, а к ее обесцениванию [4].

Особое место в системе международного наследственного регулирования занимает вопрос о выморочном имуществе. В российском праве статья 1151 ГК РФ связывает выморочность с отсутствием наследников по закону и по завещанию либо с иными обстоятельствами, при которых имущество не переходит частным лицам. Но в международном частном праве этого определения недостаточно, потому что здесь возникает дополнительная коллизия: какому именно государству должно перейти такое имущество. В разных правовых системах используются разные подходы: где-то государство рассматривается как наследник, где-то – как субъект, приобретающий имущество в силу территориального верховенства. На постсоветском пространстве этот вопрос решается специальными договорными нормами. И статья 46 Минской конвенции 1993 г., и статья 49 Кишиневской конвенции 2002 г. закрепляют одно и то же правило: если по применимому праву наследником является государство, движимое имущество переходит государству гражданства наследодателя на момент смерти, а недвижимое – государству, на территории которого оно находится. Такая конструкция выглядит компромиссной: она учитывает и личную связь наследодателя с государством, и вещную связь недвижимости с территорией [1].

Международный договор в наследственных делах важен не только как источник коллизионной нормы, но и как механизм распределения компетенции между органами разных государств. В этом отношении показательна Кишиневская конвенция 2002 г. Ее часть V посвящена наследованию и закрепляет не только правило о применимом праве, но и правило о компетентном органе: дела о наследовании движимого имущества ведут учреждения той договаривающейся стороны, на территории которой наследодатель имел последнее постоянное место жительства, а дела о наследовании недвижимого имущества – учреждения стороны, на территории которой это имущество находится. Для России эта Конвенция вступила в силу 28 июня 2023 г.; при этом в правовых базах прямо отмечено, что Минская конвенция 1993 г. прекращает действие между государствами – участниками Конвенции 2002 г. Значение этого сдвига нельзя недооценивать. Он показывает, что регулирование наследственных отношений в МЧП развивается не только через внутреннее законодательство, но и через обновление договорной сети. В то же время унификация остается преимущественно региональной, а потому при наследовании вне пространства соответствующих соглашений сохраняются старые проблемы: сбор доказательств за рубежом, подтверждение статуса наследников, взаимодействие с иностранными нотариальными и судебными органами, различия в понимании места жительства и состава наследства [6].

Если обобщить специфику этой сферы, то она проявляется в нескольких устойчивых чертах: в множественности источников регулирования, в расщеплении наследственного статуса, в зависимости результата от квалификации юридических понятий, в особой роли формы завещания, в тесной связи коллизионных и нотариально-процессуальных вопросов, в высокой значимости международных договоров и судебного толкования. Именно поэтому регулирование наследственных отношений в международном частном праве нельзя сводить к механическому выбору между законом гражданства, законом места жительства или законом места нахождения имущества. Реальная задача правоприменителя сложнее: ему необходимо собрать в единый юридический механизм нормы разных уровней и сделать это так, чтобы наследование оставалось не формальной процедурой, а способом действительной защиты прав участников. В этом и заключается главная особенность рассматриваемой области: здесь качество правового решения определяется не абстрактной стройностью коллизионной конструкции, а тем, насколько она способна работать в живой, нередко конфликтной трансграничной ситуации [6].

Список литературы:

1. Азаревич, Е. А. Выморочное имущество в международном частном праве / Е. А. Азаревич, Л. М. Каганер // Юридическая наука. – 2021. – № 7. – С. 15-20.
2. Кузнецова, Н. А. Вопросы наследования в международном частном праве / Н. А. Кузнецова, Т. А. Сенина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 11. – С. 109-111.
3. Кутузов, С. С. Коллизионные аспекты наследования по закону в международном частном праве / С. С. Кутузов, К. Л. Мальцев // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 5. – С. 13-16.
4. Орехова, К. И. Особенности наследственных отношений в международном частном праве / К. И. Орехова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 4-2(91). – С. 67-69.
5. Стригунова, Д. П. К вопросу о правовом регулировании международных наследственных отношений / Д. П. Стригунова, Н. Д. Эриашвили // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 2. – С. 45-50.
6. Тарасов, С. Ю. Проблема унификации порядка трансграничного наследования в российском и зарубежном праве / С. Ю. Тарасов // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 91-98.

